

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 140

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-5-93>

СООБЩЕСТВО БРАТСТВ И ГОСУДАРСТВО

С. А. Азаренко

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: sergey_azarenko@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается социально-философская топология братства. Братство показывается как содружество, основанное на общности взглядов и жизненных установок. Н. Ф. Федоров был первым мыслителем, который еще в 19 веке представил сообщество братства в качестве совершенного сообщества, причем для всего человечества. В современной философии Р. Барт и Дж. Агамбен возвратились к теме сообщества братства. Создание совершенного сообщества – актуальная тема современности. Целью статьи является моделирование совершенного сообщества на идеи монашеского братства. В результате в работе показано, что это сообщество порождается духовным взаимодействием и существует в определенном собственном ритме (идиоритме). Идиоритмия братьев, согласно топологическим закономерностям, опространствливается в «дом», и то, что в поведении братьев задается в правилах, ими не просто выполняется, но проживается и превращается в форму жизни. Научная новизна лежит в топологической направленности исследования. Согласно социальной топологии, осуществление «места» времени происходит благодаря конкретным социальным взаимодействиям и практикам. В понимании схемы социальности мы опираемся на «восходящую онтологию» М. Деланда, которую дополняем такими концептами, как «дом» и «страна». В результате схема социальности становится нижеследующей: «индивиды – дом – институты – город – государство – страна». В качестве основных выводов подчеркивается, что братства являются совершенной социальной формой сообщества и конструируется в виде «братья – дома – практики – самоорганизующееся и самоуправляемое братство – государство – страна». Взаимодействия в братстве основываются на органических отношениях, но, тем не менее, они несут потребность в государственной организации общения между людьми, которые оказываются связанными духовной солидарностью, патриотической любовью и достойными поступками. Современность носит характер «постчеловеческой социальности», людям приходится сосуществовать с нечеловеческими сущими – машины, роботы, киборги и искусственный интеллект. Человечество сможет взаимодействовать с искусственным интеллектом, если духовно преобразится и будет способно создать совершенное сообщество по типу монашеского братства.

Ключевые слова: социальная топология, социальные время и пространство, схема «индивиды – дома – институты – города – государство – страна», идиоритмия «братья – дома – практики – самоорганизующееся и самоуправляемое братство – государство – страна».

Для цитирования: Азаренко С. А. Сообщество братств и государство // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 5. – С. 93–102. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-5-93>.

Original article

COMMUNITY OF FRATERNITIES AND THE STATE

S. A. Azarenko

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
e-mail: sergey_azarenko@mail.ru

Abstract. The article substantiates the topology of the brotherhood. The brotherhood is shown as a community based on a commonality of views and attitudes. N. F. Fedorov was the first thinker who, back in the 19th century,

conceived the brotherhood community as a perfect community, and for all mankind. In *Modern Philosophy*, R. Barth and J. Agamben returned to the topic of the brotherhood community. Creating a perfect community is an urgent topic of our time. The purpose of the article is to model a perfect community based on the ideas of monastic brotherhood. As a result, the work shows that this community is generated by spiritual interaction and exists in a certain rhythm of its own (idiorhythm). The idiorhythm of the brothers, according to topological patterns, is expanded into a «house», and what is set in the rules in the behavior of the brothers is not just fulfilled by them, but is lived and transformed into a form of life. The scientific novelty lies in the topological orientation of the research. According to social topology, the realization of the «place» of time occurs through specific social interactions and practices. In understanding the scheme of sociality, we rely on the «ascending ontology» of M. Deland, which we complement with concepts such as «home» and «country». As a result, the scheme of sociality becomes as follows: «individuals – house – institutions – city – state – country». As the main conclusions, it is emphasized that fraternities are a perfect social form of community and are constructed in the form of «brothers – houses – practices – self-organizing and self-governing brotherhood – state – country». Interactions in the brotherhood are based on organic relationships, but nevertheless they carry the need for a state organization of communication between people who find themselves connected by spiritual solidarity, patriotic love, worthy and courageous deeds. Modernity has the character of a «posthuman sociality», people have to coexist with non-human beings – machines, robots, cyborgs and artificial intelligence. Humanity will be able to interact with artificial intelligence if it is spiritually transformed and is able to create a perfect community like a monastic brotherhood.

Key words: social topology, social time and space, scheme «individuals – houses – institutions – cities – state – country», idiorhythmia «brothers – houses – practices – self-organizing and self-governing brotherhood – state – country».

Cite as: Azarenko, S. A. (2024) [Community of fraternities and the state]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 93–102. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-5-93>.

Введение

В статье нас будет занимать идея сообщества в виде братства. В самом общем плане братство – это содружество, основанное на общности принципов, взглядов и целей. Духовные братства, так же известны, как церковные братства. Представляют собой добровольные объединения православных мирян при приходских или монастырских храмах, они занимаются попечением о храме, благотворительной и просветительской деятельностью, а также защитой православия. Монашеские братства, в свою очередь, объединяют монахов определенного ордена, имея символическое значение и подчёркивая принадлежность к этому ордену. Например, в католической церкви существуют разные монашеские ордены, каждый с уникальным облачением и обязанностями. Необходимо отметить, что каждое братство служит своим целям, будь то духовное обогащение, общественная служба или защита веры.

Монашество – это древний институт, который возник в Первые века Христианства. В Древнерусском государстве и периоде феодальной раздробленности монастыри начали утверждаться с распространением Христианства на Руси. Греческие монахи прибывали из Константинополя и многие из них основывали монастыри. Знаменитый Киево-Печерский монастырь был основан в 1551 году при участии св. Антония Печерского и Феодосия. Они уверяли, что каждый похороненный в монастыре будет помилован, независимо

от грехов. В Московском царстве в 17 веке монашество стало популярным, монастыри получали земли и имущество от князей и бояр. Важным монастырем был Соловецкий монастырь на островах Белого моря. В советское время монастыри были практически закрыты, но после распада СССР монашество восстановилось, сегодня монастыри продолжают существовать, и монахи следуют своему призванию, отказываясь от брачной жизни и посвящая себя служению Господу.

В современности многие исследователи стали обращаться к особенностям поведения индивидов в монашеских сообществах. Обращают на себя внимание исследования Р. Барта и Дж. Агамбена. Они выявили то обстоятельство, что каждый член в монашеском сообществе обладает особым ритмом существования и ускользает от довлеющего начала внешней власти. Братья вырабатывают особое пространство для взаимодействия, где реализуется принцип самоорганизации и самоуправления братства. По Агамбену, монахи способны к преобразованию своей души и тяготеют к созданию совершенной формы сообщества. При этом надо понимать, что мы живем в современности в эпоху постгуманизма, в так называемой «постчеловеческой социальности». А это означает, что уже сегодня нам приходится социальность рассматривать в качестве людей, сосуществующих с животными, машинами, киборгами, мутантами, оцифрованными сознаниями, искусственным интеллектом. Об этом

пишут западные исследователи Р. Брайдогги [15], С. Симон [16]. Остро проблематизируется вопрос о специфике человеческого бытия в произведениях Д. И. Дубровского [6, с. 237–253] и Д. Харауэйя [13]. Не обнаруживается ли эта специфика в антропологическом углублении духовной сферы жизни человека? Где бы человек обнаруживал и сохранял свою особость в пику все развивающимся технологиям?

Наш замечательный русский мыслитель Николай Федоров уже в 19 веке выдвинул грандиозную идею по созданию всемирного объединения всего человечества в сообщество братства! [10, с. 53–73]. В его случае мы встречаемся с неведомым в истории масштабным призывом к созданию человеческого братства на основе всеобщего дела по преодолению смерти в воскрешении умерших предков. Федорова волновала мысль о том, что рожденный жить человек обречен на смерть, что откровенно противоречит его богоизбранному званию. Такое положение вещей вызывало у него решительное неприятие, он первый увидел в смерти фундаментальный порок естественного мира ещё задолго до трансгуманизма, который должен быть побежден созидательными силами самого человека. Философия Федорова предполагала объединение всего человечества в совместных действиях, в ходе которых человечество будет способно решать и другие проблемы своего существования, такие как бедность или несправедливость.

Полновесное бытие человека связано с открытостью другим людям и активному общению с ними по проблеме регуляции природы. Человечество должно преодолеть действие слепых сил природы, бессмысленность войны и социальных конфликтов. Федоров выступает против разрушительных действий человечества, призывая людей перенаправить свою энергию на созидательные действия по воскрешению умерших предков. С его точки зрения, люди, как смертные, должны объединиться именно в ходе преодоления смерти. Он не приемлет идею Жан-Жака Руссо к возвращению человека в природу или идею Льва Толстого, призывавшего к простоте деревни. Философ должен служить созданию всеобщего человеческого сообщества, побуждать его к совместным действиям, а не таиться в тени субъективности. Философ, согласно Федорову, не стремится возвыситься над другими людьми, но своей проективной деятельностью прилагает силы к служению всему человечеству. Федоров намеривался собрать рассеянные молекулы и атомы, чтобы сложить их в тела отцов, и в этом людям должна помочь наука. Попробуем зарядиться пафосом нашего замечательного мыслителя и помыслить хотя бы Россию в качестве сообщества братства.

Методология

С топологической точки зрения быть – это значит со-быть с другими в различении и разграничении, быть в сообщении с ними, достигая взаимопонимание и совершая соби́рание вместе, воспроизводясь в качестве сообщества в определенном времени и пространстве. Взаимодействие людей порождает время и пространство их бытия. Время-пространства – это обжи́ваемое во взаимодействии людей место их бытия.

Специфика братского способа существования

Сообщество, порожаемое монахами, в особом ритме существования, производит время-пространство их бытия, являя собою братство. Р. Барт показывает, что идея о «rhythmos» пришла от древнегреческой атомистики [2, с. 51]. Rhythmos в их понимании – особое подвижное «переливание» атомов в телах. Наши тела, например, могут существовать только в ритме. Ритмос противен схеме, которая эквивалентна застывшей форме объекта. Братство – это формирование существования в собственном духовном ритме, и для них старший – это не начальник, а «образец». Существовая вместе, братья конституируют свое специфическое пространство обитания. Тому пример Афон – особо «намоленное» пространство духовного существования, конституируемое братьями, собирающее вместе «гору», «площадку» и «море» в близи теплоты монастырских стен и монашеских келий.

Дж. Агамбен исследует монашеские правила от Пахомия до св. Франциска [1]. Он реконструирует жизнь монахов, обращая внимание на отсчитывание времени, аскетические техники и литургию. Агамбен утверждает, что новизна монашества заключается не в смешении жизни и нормы, а в открытии нового измерения, где жизнь утверждается в своей *автономии*. «Таким образом, в монашеских правилах речь идет о трансформации, явным образом затрагивающей сам модус, в котором мыслится человеческое действие, – он смещается с уровня практики и деятельности на уровень формы жизни проживания. Этот переход этики и политики из сферы действия в сферу формы жизни и проживания представляет собой самую труднодоступную часть наследия монашества, к которой современность так и не смогла подступиться» [1, с. 92]. Агамбен обращает внимание, что правило монахами не просто выполняется, а это правило проживается, и оно постепенно превращается в форму жизни, в то, чем он живет. То, что казалось идеализмом через это превращение нас ведет к совершенному сообществу. Агамбен задается вопросом, как понять эту форму жизни, которая не позволяет себя сводить ни к мо-

рали, ни к праву, ни к предписанию, и вместе с тем преподносить себя в качестве канона *совершенного* сообщества? Но собственно требования, предъявляемые к поведению монахов, не несут в себе ничего сверхъестественного, все носит для человека вполне выполнимый характер. Для русской культуры С.С. Хоружий показал, что исихастская практика (монашеская аскеза православия), как опыт соединения с Христом, «есть опыт соединения энергий – обожение» [14]. Хоружий подчеркивает, что исихастская «невидимая брань» как существенный элемент духовной практики, «направлена не столько на борьбу с конкретным пороком, сколько к изменению самой душевной фактуры – такому, при котором страсти вообще бы не зарождались, хотя при этом – тут важное отличие от стоического идеала бесстрастия как неподвижности, атараксии – отнюдь не угасались, не замирали бы душевные активности и реакции человека. Тем самым, эти активности, высвобождаясь, могут направляться на дальнейшее восхождение».

Первичной онтологической величиной человека является его телесность, последняя неразрывна с душой, но душа есть дыхание тела, которое возникает из отношения к другому телу. Вступая в отношения, тела производят какое-то место и надлежащую ему совместность. В данном случае допустимо говорить о русском способе телесного отношения, с чем нам приходится встречаться, например, у Достоевского в «Братьях Карамазовых». Примечательно, что оно совершается в пространствах монастыря. Там воочию показывается, как формируется подвижное пространство общения, невзирая на перерывы в коммуникации, которые провоцирует своим отвратительным поведением старший Карамазов. Старец преображает все пространство общения. Он совершает все необходимые доброжелательные движения по конструированию пространства совместности и ему удается обуздать смутьяна и гармонизировать зону общения.

Отметим, что для нас коммуникация – это тип взаимодействия между людьми, опосредованный различными знаково-символическими системами¹. Европа, пронизанная индивидуализмом, в настоящее время пытается моделировать типы совместного бытия людей: так, Ж.-Л. Нанси «социацией» называет сообщество типа пассажиров в купе [8, с. 91–102]. Восходящая к К. Марксу схема социально-

сти, подразумевает трёхчастную стадиальную форму развития: традиционное общество – индустриальное общество – постиндустриальное общество. Социальная топология же предлагает «восходящую онтологию» от индивидуальных телесных отношений до сложных социальных конфигураций типа города или государства. М. Деланда предлагает схему следующего множества индивидуальных сущих: «индивиды – институты – города – национальные государства» [5, с. 44]. Мы дополняем данную схему такой целостностью как «дом» и «страна». И потому схема социального множества будет выглядеть так: «индивиды – дома – институты – города – государства – страна». Дом создает особое пространство отношений между людьми: в нем формируются теплые и близкие отношения между людьми. При этом люди друг с другом оказываются связанными не только общими схемами поведения, но и действительно человеческими привязанностями, и вместе с тем, опытом противостояний и конфликта.

Таким образом, схема социальности, по которой обычно строится сообщество, следующее: «индивиды – дома – институты – города – государство». Тогда как, братства порождают особое социальное единство: «братья – дома – практики – самоорганизующаяся братия». Цель братства – с одной стороны, путь к совершенству, а, с другой – превращение строгих правил духовного поведения в привычный характер жития и проживания. Хоружий С. С. показал на примере русских монахов – исихастов, как их формы жизни перенимались широкими слоями населения и превращались в тип повседневного поведения русского народа².

Мы исходим из того, что совершенной социальной формой сообщества является братство: «братья – дома – практики – самоорганизующееся и самоуправляемое братство». Данные отношения строятся на органических взаимодействиях индивидов в идриоритмии и не нуждаются во внешней «профанной» государственной форме, поскольку они основываются на внутренней самоорганизации. Россию можно помыслить в качестве множества различных сообществ, объединенных в разные семейные, ремесленные, производственные и другие «братства» самоорганизующиеся и самоуправляемые. А вот у этой социальной формы «братства» есть потребность в «духовном» государстве, о котором писал Иван Ильин.

¹ Азаренко С. А. Коммуникация // Современный философский словарь. 3-е издание, исправленное и дополненное / Под ред. В. Е. Кемерова. – М.: Издательство «Академический проект», 2004. – С. 323–329.

² Хоружий С.С. От синергийной антропологии к социальной философии, или диалог с Максом Вебером // Новые методы решения фундаментальных проблем социальной философии: синергийная антропология: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 19–20 ноября 2009 г. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2009. – С. 6–20

Он отмечал, что: «Государство в его духовной сущности есть нечто иное, как *родина, оформленная публичным правом*; или иначе: *множество людей*, связанных общностью *духовной судьбы*, и вжившихся в *единство* на почве *духовной культуры и правосознания*» [7, с. 257]. Основная аксиома утверждает, что государство и право происходят из внутреннего, духовного мира человека, создаются именно для духа и осуществляется через посредство правосознания. Внешние проявления политической жизни совсем не составляют саму политическую жизнь; внешние принуждения, меры подавления и расправы, к которым государственная власть иной раз прибегает, совсем не определяют сущность государства. На самом деле государство творится внутренне, духовно и душевно и его государственная жизнь только отражается во внешних поступках людей, но совершается и протекает в их душе; ее орудием является человеческое правосознание. Разложение государства или какого-нибудь политического строя состоит не просто во внешнем беспорядке, в уличных погромах или анархии. И П. Флоренский так же отмечал, что и бюрократический абсолютизм, и демократический анархизм каждый по-своему уничтожают государство [12, с. 647]. Все это – лишь проявления уже состоявшегося внутреннего разложения. Можно было бы сказать, что подлинная политическая жизнь не шумит в парламентах и собраниях – она молчит в глубине национального правосознания.

Политический гений умеет прислушаться к молчащему правосознанию своего народа – и считается с ним; более того, он отождествляется с ним; и народ, узнав его чутьем, следует за ним. Таким образом, народ и его вождь встречаются и объединяются друг с другом в той таинственной глубине, где живет любовь к Родине и иррациональное государственно-политическое настроение. Что же делается с государством, если в народе и у его вождей исчезает истинное государственно-политическое настроение? Тогда государство превращается в систему насилия, принудительный аппарат. Что зачастую выливается в скрытую гражданскую войну. Тогда государство оказывается накануне крушения, поскольку без настоящего государственно-политического настроения чувств и воли государство не может существовать.

Истинное государственно-политическое настроение души возникает из искреннего патриотизма. Государственно настроенная душа воспринимает свою родину, как живое правовое единство и участвует в нем своим правосознанием; это значит, что гражданин признает свое государство, называя его «наше государство» или «мое государство». Жизненная сила гражданства духовный смысл его нуждаются в свободной любви

гражданина и в его добровольном само обяывании, но была исполнена в душе гражданина живым чувством и лояльною волею. Необходимо, чтобы государство жило в душе гражданина, и чтобы гражданин жил целями и интересами своего государства. Государство и правительство должны сделать все необходимое, чтобы приобрести его уважение, его лояльность, его сердце, его волю и его правосознание.

Итак, по И. А Ильину, можно было бы сказать, что государственно настроенная душа, объемлющее и чувство, и волю составляют тот воздух, которым государство дышит и без которого оно гибнет, «ибо государство есть организованное общение людей, связанных между собой духовной солидарностью и признающих эту солидарность не только умом, но поддерживающих ее силой патриотической любви, жертвенной воли, достойными и мужественными поступками» [7, с. 260]. Это значит, что подлинное и здоровое государство покоится именно на духовных основах человеческого существа. Принудить человека к любви и духовности нельзя, но его и можно, и должно воспитывать к духу и любви, и государственно-политическая школа, несомненно, должна быть наполнена этим стремлением. «Высшая цель государства отнюдь не в том, чтобы держать своих граждан в трепетной покорности, подавлять частную инициативу и завоевывать землю других народов; но в том, чтобы организовывать и защищать на основе права и справедливости, исходя из благородной глубины здорового правосознания» [7, с. 260]. Для этого государству дается власть, предоставляется возможность воспитания и отбора лучших людей; и именно для этого оно создает флот и армию. Этой цели государство и призвано служить, а служить ей оно может только через преданное и верное правосознание своих граждан.

Говоря о России, необходимо понимать, что в условиях её необъятной пространственности, значение государства неизбежно исторически становилось первостепенным. Совместные формы бытия на больших просторах взывают к значительному по силе аппарату управления. И здесь мы следуем следующей схеме порождения социальности, идущей от «индивидуальных отношений → дом (семья) → институты (различные практики) → города → государства → страна». Все в этой схеме идет «снизу» от «земли», от жизненных проблем людей (граждан), но их проблемы решаются по преимуществу со стороны государства, и поэтому в предлагаемой цепочке мы ставим обратные стрелочки воздействия со стороны государства: «индивиды» ↔ «дома» ↔ «институты-практики» ↔ «города» ↔ «государства ↔ страна».

Данная схема работает в одну и в другую стороны, подобно сообщающемуся механизму, но в специфике наших пространств государство оказывается в заглавной роли и принятие окончательных решений сохраняет за собой. (Разумеется, имеются и другие причины социального и культурного значения, в том числе из-за особого положения русской соборности). Может быть, поэтому у нас никогда не складывается демократическая форма правления, а превалирует авторитарная. Россию можно представить через метафору множеств «братств», духовных, семейных, ремесленных, производственных, и даже политических. И во главе их поставить такое «духовное» государство, которое себе мыслил Иван Ильин. В настоящее время нам известны, например, представления о «пентабазисе» А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин, Е. Н. Соколова, которые в настоящее время предлагают реформировать систему высшего гуманитарного образования и наполнить его правильными ценностями для России – *человек, семья, общество, государство, страна* [4]. Президент В. В. Путин еще более лаконичен и опирается, как нам известно, на три вещи, на которых базируются новые правила жизни. Первое – *справедливость* (ведать божественное право как наверху, так и внизу). Второе – *эквивалентный обмен*, который в экономике должен сопровождаться математикой, которая пресекала бы спекуляции с использованием «денег». И ограничивала воров, узаконенных названиями «банка» и «процента». В-третьих – *равноправие*. Никто не выше остальных. Что устраняет фашизм и колониализм, что в старых, что в новых формах³.

Схемы, несомненно, привлекательны и конструктивны, но мы предпочитаем видеть эту ценностную схему следующим образом: *совместность (соборность), человек (старослав. существо рода, социальное существо), дом (семья), душевность, скромность, совесть, справедливость, государство, страна* (в таком виде нам представляется лучше специфика русского мировоззренческого канона, который соотносится с сообществом типа монашеского братства). Чтобы жить по-настоящему в настоящем людям сегодняшним, в особенности молодежи – это значит быть связанными с восхождением к пределу, то есть переделу себя в свете духовной коммуникации, ибо жизнь человека связана со способностью воспроизводить и понимать социально значимые смыслы своей культуры (совместность, солидарность, служение, дом (семья), жертвенность, щедрость, терпение и др.), сообщать и передавать эти смыслы другим. Смыслы

изначально ставят человека на границу, поскольку не могут принадлежать одному. Они всегда находятся с Другим и как со-мысли принадлежат постоянно становящейся со-вместности. Эти смыслы сохраняются и передаются различными знаково-символическими способами и практиками, составляя существо социальной коммуникации. Коротко развернем нашу ценностную схему.

Совместность (соборность). Взгляды русских мыслителей вели к пониманию того, что процесс порождения и воспроизводства совместности, как центральной категории русского способа бытия, происходит в ходе регулярного телесного взаимодействия между людьми посредством определенной социальной практики, благодаря которой порождается определенное со-общение, способствующее приобщению людей к своему со-обществу с определенными представлениями и ценностями. Быть по-русски – это значит со-быть с другими, но не слипаясь, а находясь в размеченности и разграничении с ними, то есть быть в сообщении с ними, достигая взаимопонимания и совершая собрание вместе, воспроизводясь в качестве со-общества в определенном времени-пространстве.

В русском понимании совместности преобладает тенденция к доброжелательному слиянию и солидарности. Наиболее отчетливо это выражено у Соловьева, который пишет, что истинное соединение предполагает истинную раздельность соединяемых, то есть такую, в силу которой они не исключают, а взаимно полагают друг друга, находя каждый в другом полноту собственной жизни. Если отношения индивидуальных членов общества друг к другу должны быть братскими, то связь их с целыми общественными сферами – местными, национальными и, наконец, со вселенскими – должна быть еще более внутренней, всесторонней и значительной. Эта связь активного человеческого начала с воплощенной в социальном духовно-телесном организме всеединою идеей должно быть, по Соловьеву, живым *сизигическим* (греч. сизигия – сочетание) отношением [9, с. 545].

Как же устроен механизм взаимодействия в русской совместности (соборности)? Конструирование пространства-времени социального мира, как мы полагаем, со времен традиционного общества совершается через два способа «проецирования» тела в мир: «линейный» (присвоение) и «складчатый» (освоение). Последний в большей степени присущ модели пространственности традиционной восточной культуре, объединяя ее отдельные элементы в еди-

³ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – URL: <http://kremlin.ru/news/46860>. (дата обращения: 14.06.2024).

ную схему. Он представляет собой фигуру овала со смещенным и невидимым центром, заполненную «фрагментами» и связанную пустотами. Образом этой модели может служить вид горы или луковицы, разрезанной вдоль. Динамика данной модели воспроизводства традиционной культуры осуществляется через принцип «сворачивания», или «складки». Противостоящая ей западная культурная модель носит фигуру «центрированного» треугольника с центростремительной динамикой, иерархичностью, ценностной неоднородностью, с тенденцией к заполнению пустот, разделением и разграничением. Русская культура являет из себя подвижный симбиоз «линейной» и «складчатой» модели пространственно-временного собирания культуры. И потому коммуникативные процессы в ней могут протекать по крайней мере двумя способами: коммуникатор может «линейно» идти «напролом» или предлагать «лобовое» противостояние. Но скорее действия коммуникатора обратного порядка: «складывания», «обволакивания», «сворачивания», «уворачивания», которые могут способствовать порождению гармоничного и сбалансированного пространства общения в совместности. Здесь также обнаруживается еще одна специфика русского восприятия мира и действия в совместности. Вспомним русскую народную сказку про репку. Посадил дед репку. Выросла репка большая-пребольшая. Стал дед репку из земли тянуть: тянет-потянет, вытянуть не может. Позвал дед на помощь бабу. Позвала бабу внучку. Внучка за бабу, бабу за деду, деду за репку. Тянут-потянут, вытянуть не могут. Кликнула внучка Жучку. Кликнула Жучка кошку. Позвала кошка мышку. Мышка за кошку, кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабу, бабу за деду, деду за репку – тянут-потянут, вытянули репку! Мораль истории – плодотворность сотрудничества и значимость даже маленького.

Человек. Русский телесный тип исторически восходит к земледелию, ремеслам, строительству. Тело типично русского – крепко сбитое, угловатое, кряжистое. Своей походкой русский человек, как будто бы, врастает ногами в землю, телесная крепость, плотность проявляется у русского мужчины с детства, определяется одобрительным приговором – «мужичок». В русских девушках и женщинах высоко оценивается стройность и стать – «лебедушка», мать семейства. Кряжистое тело русского человека обеспечивает ему выживание в тяжелых климатических условиях нашей страны. Национальная особенность имеет русские лица (от глагола «лить»), где человек зачастую «вылитый» отец или мать, и где лицо формируется из складок «излитых» каждодневных переживаний. Типичный русский облик лица – ру-

сые волосы, белая кожа, синие глаза, открытое лицо, высокий лоб, крепкие скулы. У горцев – тело легкое, худощавое, более хрупкое, с летящей над землей походкой, они меньше ростом. Горы требуют от тела то подъема, то спуска. У азиатских народов тело чаще округлое и рыхлое, в молодости они чрезвычайно хрупкие и мелкие, но с годами обретают полноту и объемистый живот. И по ныне они живут архетипами кочевников, умеющих добывать желаемое ловкостью, хитростью. Одним из особых отличий русского народа является то, что им одинаково чужды восточные «избегания» и западная культура «презентации». Уверенно и спокойно мы чувствуем себя только «плечом к плечу». Особым для нас является и взгляд – глаза в глаза, куда мы заглядываем, желая прочесть правду человека. Тот, кто отводит взгляд, считается у нас неискренним и хитрым. Восточная традиция видит в прямом взгляде угрозу, не разделяет радость русской открытости, которая ей представляется чересчур фамильярной.

Дом (семья). Согласно органопроекции П. Флоренского, дом – это продолжение всего тела человека [11]. Русская изба является результатом «совмещения» всех топологических параметров России. Мы полагаем, что дом явился результатом проекции не только тела человеческого вообще (как, на то указывал П. Флоренский), но и тел мужских и женских, а также и всех топологических компонентов русского пространства: почвы, воды, климата. В. Розанов отмечал, что в России по улице либо проходят, либо на ней работают. Отдых или праздничные мероприятия всегда проходят дома. С улицы человек в России «или сметается ветром, или разгоняется дождем, или прогоняется морозом домой». В силу домочетности российской жизни в ней особенно развита «дружба» и «хорошее знакомство», породившее русскую «душевность» и «великие преимущества русских» – «психологичность», нервность, углубленность, задумчивость, затаенность». Розанов советует смотреть на улицу как на «часть и продолжение своего дома, как на общий, только открытый, коридор, связывающий частные жилища». Мы полагаем, что «дом» – колыбель формирования этических отношений в совместном способе существования. В доме формируются привычные схемы поведения, доверительные и теплые отношения, способы решения конфликтов, противостояний, вплоть до отношения к болезни и смерти. Что затем сказывается на семейные способы отношений, а затем, с чем человек выходит в сложные социальные отношения.

Душевность. А не является ли переживание особым способом душевности, также следствием русской домочетности? Для русского близки рас-

суждения о душе, другие народы не придают такого значения душе. «Душа болит», «душевность», «жить душа в душу», «бездушный человек», «попечение о спасении души». Правда, нынче избыточно учат английскому языку. Английский насыщен глаголами присвоения (have). Для русского с этим корнем связаны слова «хапать», «хавать», «хищник». Установки присвоения явно выразились в поведении некоторых групп людей. Для нас мужчина – думающий и отвечающий за всех, женщина – рождающая. Русские труд и дело любят в контексте творчества, для них интересно делать уникальное. Для русских важно скорее, не деньги, а высшая справедливость, мы ждем одобрения других, боясь, что сосед в общине может поджечь дом. Наш народ стремится построить добрые отношения с соседом. У нации страх перед неопределенностью, перед будущим. «Не трогайте систему, а то чего-то выйдет не то». «А уж еже ли воевать, то Змея Горыныча!».

Совестливость – это нравственное чувство, которое удерживает человека от несправедливых, нечестных или не деликатных поступков. Это, своего рода, внутренний компас, который подсказывает, что правильно, а что неправильно. В русской культуре совестливость считается важным качеством, и она проявляется через чувство стыда за негодные действия.

Справедливость – по Бердяеву, это не просто прямолинейное следование нормам. Он считает, что историческая борьба народов не сводится к чистой справедливости, а скорее к борьбе за бытие. Он утверждал, что иерархия и неравенство в мире – это необходимые условия для богатства бытия и замысла Бога. Важно понимать, что справедливость в его философии пронизывает всю жизнь народов, а не только отдельные моменты.

Государственность – русская душа, по Бердяеву, есть сочетание разнородных начал, таких как свободолюбие и покорность, традиционность и революционность, инертность и новаторство, лень и предприимчивость. Именно это определило сущность русской государственности. Бердяев органично соединяет с закономерностями истории и формированием государства [3]. Слабое государство ведет к господству необузданной, иррациональной свободы. Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешней над ним началом.

Страна – территория, имеющая физически-географические, политические, исторические и куль-

турные границы. Россию как страну характеризуют: бескрайние леса, степи, горы, реки и озера; многонациональность, сложная история от княжества до империи и Советского Союза; богатство природы; литературное и философское наследие: Толстой, Достоевский, Чехов, Гоголь, Соловьев, Флоренский, Федоров, Бердяев и др.

Заключение

Мы рассмотрели в качестве возможного совершенного сообщества – монашеское братство, в известном смысле руководствуясь пафосом Николая Федорова, впервые представившего себе человечество как братство на основе совместных деяний. В случае с Россией мы видим особого рода совместность со следующей ценностной схемой: *совместность (соборность), человек (социальное существо), дом (семья), душевность, скромность, совесть, справедливость, государство, страна*. При этом нужно понимать, что идея совместности пронизывает все эти ценности, а такие исторические формы совместного бытия русского народа, как мир-община и дом (семья) формировали такие ценности, как сочувствие, сопереживание, справедливость, согласие. На последние ценности также обращает внимание казанский профессор О. Д. Агапов в своем Проекте по суверенитету России⁴. Мы разделяем взгляды О. Д. Агапова, что необходимо исходить из того, что власть (государство) – прежде всего, является формой организации и управления обществом (оно не ограничивается контролем), благодаря которой институционально строится жизнь экономических и политических институтов. И государство испытывает заинтересованность в воспитании гражданина с правильным правосознанием, и само действует в интересах граждан. Государство – это такая социальная сила, которая собирает всю энергию общества и направляет ее на решение таких важных вопросов, как безопасность, устойчивое развитие и т. п. В настоящую эпоху человечеству приходится сосуществовать с нечеловеческими формами социальности – машинами, роботами, киборгами и другими виртуальными сущими, а особенно с искусственным интеллектом. С последним, как нам представляется, возможна интеграция и конструктивное взаимодействие, если человек своим духовным углублением и созданием совершенного сообщества будет способен к преобразованиям себя.

⁴ Агапов О. Д. Вклад философии и науки в гуманитарный суверенитет России (тезисы к открытой лекции в рамках просветительского марафона общества «Знание» 2.09.22 г.) // ЦСКП. – URL: <http://cscp.ru/2022/09/05/vklad-filosofii-i-nauki-v-gumanitarnyj-suverenitet-rossii-tezisy-k-otkrytoj-lektsii-v-ramkah-prosvetitel'skogo-marafona-obshhestva-znanie-2-09-22-g/> (дата обращения: 14.06.2024).

Литература

1. Агамбен Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни. М. – СПб. : Издательство института Гайдара. – 2020. – 216 с.
2. Барт Р. Как жить вместе: романтические симуляции некоторых пространств повседневности. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 272 с.
3. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1990. – 336 с.
4. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. Д. Харичев [и др.] // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 9–19. – <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>. – EDN: EGEABU.
5. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. – 2017. – Т. 27, № 3 (118). – С. 35–56. – EDN: YMICEJ.
6. Дубровский Д. И. Природа человека, антропологический кризис и кибернетическое бессмертие // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Под. ред. проф. Д. И. Дубровского – М. : ООО «Издательство МБА», 2013. – С. 237–252.
7. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Путь к очевидности. М.: Изд-во «Республика», 1993. – 431 с.
8. Нанси Ж.-Л. О событии // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. – С. 91–102.
9. Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. – 822 с.
10. Федоров Н. Ф. Сочинения. Философское наследие. Том 85. – М.: Мысль, 1982. – 711 с.
11. Флоренский П. Иконостаг. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. – 365 с.
12. Флоренский П. А. Предполагаемое государственное устройство в будущем // Сочинения. В 4 т. Т. 2 / Сост. И общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачева. – М.: Издательство «Мысль», 1996. – С. 647–681.
13. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 127 с.
14. Хоружий С. С. Опыты из русской духовной традиции : монография. – М.: ПАРАД, 2005. – 445 с. – EDN: QWMBVR.
15. Braidotti R. (2013) *The Posthuman*. Cambridge : Polity Press, P. 60. (In Eng.).
16. Simon S. (2022) Reflections on the (Post-)Human Condition: Towards New Forms of Engagement with the World?, *Social Epistemology*, Vol. 36, No. 1, pp. 63–94. – <https://doi.org/10.1080/02691728.2021.1893859>. (In Eng.).

References

1. Agamben, J. (2020) *Vysochajshaya bednost'. Monasheskije pravila i forma zhizni*. [The highest poverty. Monastic rules and the form of life]. Moscow – Saint Petersburg. Gaidar Institute Publishing House, 216 p.
2. Barth, R. (2016) *Kak zhit' vmeste: romanticheskie simulyacii nekotoryh prostranstv povsednevnosti* [How to live together: romantic simulations of some spaces of everyday life]. Moscow: Ad Marginem Press, 272 p.
3. Berdyayev, N. (1990) *Samopoznanie (opyt filosofskoj avtobiografii)* [Self-knowledge (experience of philosophical autobiography)]. Moscow: International Relations, 336 p.
4. Harichev, A. D. (2022) [Perception of Basic Values, Factors, and Structures of Russia's Socio-Historical Development (Based on Research and Testing)]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. Vol. 6, № 3, pp. 9–19. – <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>. – EDN: EGEABU. (In Russ.).
5. Delanda, M. (2017) [New ontology for social sciences]. *Logos* [Logos]. Vol. 27, No. 3 (118), pp. 35–56. – EDN: YMICEJ. (In Russ.).
6. Dubrovskij, D. I. (2013) [Human nature, anthropological crisis and cybernetic immortality]. *Global'noye budushcheye 2045. Konvergentnyye tekhnologii (NBICS) i transgumanisticheskaya evolyutsiya* [Global Future 2045. Convergent Technologies (NBICS) and Transhumanistic Evolution]. M. MBA Publishing House LLC, pp. 237–252. (In Russ.).
7. Ilyin, I. A. (1993) [The Path of Spiritual Renewal]. *Put' k ochevidnosti* [The path to evidence]. M.: Publishing house «Republic», 431 p. (In Russ.).
8. Nancy, J.-L. (1991) [On the Event]. *Filosofiya Martina Khaydeggera i sovremennost'* [Philosophy of Martin Heidegger and modernity]. Moscow: Science, pp. 91–102. (In Russ.).
9. Solovyov, V. S. (1988) *Sochineniya v 2 t. T. 2*. [Works in 2 vols. Vol]. M.: Thought, 822 p.

10. Fedorov, N. F. (1982) *Sochineniya. Filosofskoe nasledie. Tom 85* [Essays. Philosophical heritage. Volume 85]. М.: Thought, 711 p.
11. Florensky, P. (1993) *Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu* [Iconostasis. Selected works on art]. St. Petersburg: Mithril. Russian book, 366 p.
12. Florenskij, P. A. (1996) [Proposed State Structure in the Future]. *Sochineniya. V 4 t. T.2* [Works. In 4 volumes. Vol. 2]. Comp. and general. editors. of Hegumen Andronik (A. S. Trubacheva), P. V. Florensky, M. S. Trubacheva. М.: Publishing house «Thought», pp. 647–681. (In Russ.).
13. Harauej, D. (2017) *Manifest kiborgov. Nauka, tekhnologiya i socialisticheskij feminizm 1980-h.* [Cyborg Manifesto. Science, technology and socialist feminism of the 1980s.]. М.: Ad Marginem Press, 128 p.
14. Horuzhij, S. S. (2005) *Opyty iz russkoj duhovnoj tradicii* [Experiences from the Russian spiritual tradition.]. М.: PARADE, 445 p. – EDN: QWMBVR.
15. Braidotti, R. (2013) *The Posthuman. Cambridge : Polity Press*, pp. 60. (In Eng.).
16. Simon, S. (2022) Reflections on the (Post-)Human Condition: Towards New Forms of Engagement with the World?, *Social Epistemology*, Vol. 36, No. 1, pp. 63–94. – <https://doi.org/10.1080/02691728.2021.1893859>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Сергей Александрович Азаренко, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0001-6658-5177

e-mail: sergey_azarenko@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 18.06.2024; принята в печать: 03.09.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Sergey Alexandrovich Azarenko, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social Philosophy, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0001-6658-5177

e-mail: sergey_azarenko@mail.ru

The paper was submitted: 18.06.2024.

Accepted for publication: 03.09.2024.

The author has read and approved the final manuscript.